НОВЕЙШИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИИ РОССИИ

А.В. ФЕДОСОВ
К. РАФФЕНСПЕРГЕР

КОРОЛЕВСТВО РУСЬ

Древняя Русь глазами западных историков

Выпуск 31

ЦЕНТРПОЛИГРАФ®

Андрей Владимирович Федосов
Кристиан Раффенспергер

Королевство Русь. Древняя Русь глазами западных историков

Серия «Новейшие исследования по истории России», книга 31

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64919052
Королевство Русь. Древняя Русь глазами западных историков. / Федосов А.В., Раффенспергер К.: Центрполиграф; Москва; 2021
ISBN 978-5-227-09396-7

Аннотация

Первая часть книги – это анализ новейшей англо-американской литературы по проблемам древнерусской государственности середины IX— начала XII в., которая мало известна не только широкому российскому читателю, но и специалистам в этой области, т. к. никогда не издавалась в России. Российским историком А. В. Федосовым рассмотрены наиболее заметные работы англо-американских авторов, вышедшие с

начала 70-х годов прошлого века до настоящего времени. Определены направления развития новейшей русистики и ее научные достижения.

Вторая часть представляет собой перевод работы «Королевство Русь» профессора Виттенбергского университета (США) Кристиана Раффенспергера – одного из авторитетных современных исследователей Древней Руси. Основной идеей книги является тезис о том, что Русь, по крайней мере до XIII в., была неотъемлемой частью общеевропейской культурнополитической общности благодаря династическим союзам, культурным контактам, религиозному взаимодействию и т. д. Представлен оригинальный взгляд автора на проблему титулатуры древнерусских правителей и ее аналогии с западноевропейскими титулами.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

Содержание

Предисловие 6
Часть первая 17
Глава 1 17
Конец ознакомительного фрагмента. 41

Андрей Федосов, Раффенспергер Кристиан Королевство Русь. Древняя Русь глазами западных историков

Серия «Новейшие исследования по истории России» основана в 2016 г.

© Федосов А.В., 2021
© Raffensperger C., 2021
© «Центрполиграф», 2021
© Художественное оформление, «Центрполиграф», 2021

Предисловие

Обычно отображение истории России, как и любого другого государства в зарубежной историографии, – это особая тема и ей сложно дать какую-либо однозначную оценку, так как значительное место в ней, как правило, занимают политико-эмоциональный фактор, идеологические, этнические противостояния. Однако надо отметить, что при непосредственном общении с зарубежными историками всего вышеперечисленного не ощущается. Впрочем, не все они идут на диалог, а те, кто соглашается, не всегда разрешают использовать их точку зрения на какую-либо проблему в печатных работах либо разрешают, но без ссылки на авторство. Поэтому авторы выражают благодарность тем специалистам, которые разрешили озвучить в нашей работе их мнение.

К середине XIX в. в российской историографии уже были сформированы два подхода к истории возникновения Древнерусского государства: норманизм и антинорманизм. В это же время начала формироваться и англо-а мериканская историография по этому вопросу, но н а позиции норманизма. Однако в это время обостряется политическое, идеологическое, конфессиональное противостояние России и Европы, что нашло отражение в работах историков, политиков и общественных деятелей, где Россию изображали отсталой, полуварварской страной. В связи с этим Н.Я. Данилевский пи-

сал: «Откуда же и за что же, спрашиваю, недоверие, несправедливость, ненависть к России со стороны правительств и общественного мнения Европы? Обращаюсь к другому капитальному обвинению против России. Россия – гасительница света и свободы, темная, мрачная сила, политический Ариман… У знаменитого Роттека высказана мысль… что всякое преуспеяние России, всякое развитие ее внутренних сил, увеличение ее благоденствия и могущества есть общественное бедствие, несчастие для всего человечества. Это мнение Роттека есть только выражение общественного мнения Европы»[1].

Ответы же на эти вопросы мы находим в статье К. Маркса «Разоблачения дипломатической истории XVIII в…» (июнь 1856 – март 1857): «Неодолимое влияние России заставало Европу врасплох в различные эпохи, оно пугало народы Запада, ему покорялись, как року, или оказывали лишь судорожное сопротивление. Но чарам, исходящим от России, сопутствует скептическое отношение к ней, которое постоянно вновь оживает, преследует ее, как тень, усиливается вместе с ее ростом, примешивает резкие иронические голоса к стонам погибающих народов и издевается над самим ее величием, как над театральной позой, принятой, чтобы поразить и обмануть зрителей. Другие империи на заре своего существования встречались с такими же сомнениями, но Россия превратилась в исполина, так и не преодолев их. Она является единственным в истории примером огромной империи,

само могущество которой, даже после достижения мировых успехов, всегда скорее принималось на веру, чем признавалось фактом. С начала XVIII столетия и до наших дней ни один из авторов, собирался ли он превозносить или хулить Россию, не считал возможным обойтись без того, чтобы сначала доказать само ее существование. Но будем ли мы рассматривать Россию как спиритуалисты или как материалисты, будем ли мы считать ее могущество очевидным фактом или просто призраком, порожденным нечистой совестью европейских народов, – остается все тот же вопрос: „Как могла эта держава, или этот призрак державы, умудриться достичь таких размеров, чтобы вызывать, с одной стороны, страстное утверждение, а с другой – яростное отрицание того, что она угрожает миру восстановлением всемирной монархии?“ В начале XVIII столетия Россию считали внезапно появившимся импровизированным творением гения Петра Великого. Шлёцер, обнаружив, что у России есть прошлое, счел это открытием, а в новейшие времена такие писатели, как Фаллмерайер, не зная, что они следуют по стопам русских историков, решительно утверждают, что северный призрак, устрашающий Европу XIX в., уже нависал над ней в IX столетии. По их мнению, политика России начинается с первых Рюриковичей и систематически, правда с некоторыми перерывами, продолжается до настоящего времени» [2].

Прошло более 160 лет. Мир неузнаваемо изменился. Идеологические барьеры последних десятилетий исчезли, и,

казалось бы, народы и их правительства будут легче идти на сближение. Однако этого не происходит. Значит, прав К. Маркс. И прав Н.Я. Данилевский: «Европа враждебна России», так как не является частью германо-романской цивилизации. И не пора ли прекратить униженно «втираться», по его мнению, туда, где нас считают чужими, где нормы жизни двух народов почему-то объявлены общечеловеческими?

И все же интересно, как современные зарубежные историки, в том числе и англо-американские конца XX – начала XXI в., подходят к вопросам истории России и конкретно ранней истории и государственности Руси? Сохраняются ли былые предубеждения и неприятие? Надеемся показать в этой книге.

Во время работы нам неоднократно высказывались сомнения в целесообразности ее написания. Серьезные историки уверяли, что англо-американская историография «вторична» по отношению к отечественной, да и объединение английских и американских историков в одну группу вряд ли допустимо и уместно и т. д. Хотя большинство современной историографии по истории Руси – России, за очень малым исключением, не было известно не только широкой публике, но и специалистам, так как большинство изданий до сих пор не было переведено на русский язык. Конечно, можно игнорировать работы зарубежных историков, особенно по вопросам ранней государственности Древней Руси, но надо помнить, что и российская, и англо-американская историо-

графия появляются почти в одно время и имеют, по сути, общие корни. И здесь уместно привести мнения самих американцев, а также мнение человека, имеющего богатый научный опыт и опыт преподавания истории Руси в Гарварде. Вот мнение одного молодого американского историка, просившего не раскрывать его имени, так как это, возможно, может повредить его отношениям с российскими коллегами: «Я ничего не слышал и не знаю о „вторичности“ нашей историографии. По-видимому, подобные разговоры идут кулуарно, но я не имею ничего против „вторичности“ американской или чьей-либо другой историографии по отношению к российской. Это вполне объяснимо. Вы имеете полное право не замечать или критиковать позиции и концепции зарубежных специалистов, но отвергать их значимость вряд ли уместно. У нас существует мнение, что в традиции российской историографии – поиск врага: „Думайте так, как и мы, воспринимайте мир так, как воспринимаем его мы“, а любое свободное мнение многие у вас считают враждебным выпадом. Смешно и грустно, так как мы пишем о времени, свободном от идеологии. Тем более что корни и российской, и англо-американской историографии имеют общий источник. И не наша вина в том, что в свое время наши позиции разошлись под влиянием идеологии. И нам непонятно, почему у вас нельзя специалистов – носителей одного языка объединять в одну группу, тем более что именно американская и английская историографии о Руси – России наиболее

значительны».

А вот мнение другого историка: «Многие американские исследователи истории Руси – России с сожалением знают отношение к своим работам у вас в стране. Обычно говорят: „Ну, что они могут знать о нашей тысячелетней истории, ведь их истории всего-то 200 лет?“ Это огорчает. Конечно, так думают не все, но многие. Я не раз слышал подобные утверждения, и мне всегда хотелось спросить, почему вы только себе присвоили право заниматься историей Руси/России? Да, нашей истории, истории нашего государства не более 250 лет. Но эту историю мы не подвергаем сомнениям, так как она выстрадана нами и прошла на наших глазах. А ваша тысячелетняя история началась с „призвания варягов“ – немцев, которые вначале организовали вашу власть, а затем, через тысячу лет преподнесли вам вашу письменную историю, и ваши историки стали вести отсчет русского бытия от призвания варягов, и только единицы поднимали голос „против“. Слышали их? Вы до сих пор спорите о ее вариантах. Но мы лишены высокомерия, так как считаем, что историческая база для изучения истории России для всех одна и она известна всем. Кроме ПВЛ, которую вряд ли серьезные исследователи могут сегодня считать подлинно историческим документом, „Вертинских анналов“ и нескольких мусульманских сообщений, нет ничего. Однако какова российская историография? Но почему-то до сих пор, вопреки воле вашего президента, так и не создан единый учебник вашей исто-

рии. Неужели ждете еще одного призвания и его напишут за вас? Да, у нас общие учителя. Многие в Америке влюбились в русскую историю, в русскую литературу благодаря вашим эмигрантам, которые стали преподавать в наших университетах и прививать интерес к русской культуре. Поэтому я думаю, что „стартовые[11] условия наши равны. Конечно, между нами существуют разногласия, но они касаются только идеологических вопросов. Мы разные, но это не должно нам мешать сохранять свою идентичность (так, кажется, говорит ваш президент), и это не должно быть неким барьером между нами в XXI в. Поэтому я с интересом наблюдаю за работами российских историков и за вашим проектом, несмотря на языковые сложности. И конечно, хочется, чтобы наши американские усилия были услышаны и поняты в России».

Схожее мнение высказывает и один из авторов книги: «Вопрос об источниках англо-американской и российской исторической науки весьма интересен. И хотя я согласен, что мы пользуемся одними и теми же источниками, но подходы к ним зачастую разнятся. Как ученый, я вижу ваше преимущество в том, чтобы быть частью лингвистической традиции, поскольку это облегчает изучение источников, и жить там, где разворачивались события средневековой истории (например, в Новгороде). Однако я полагаю, что одно из моих преимуществ состоит в том, что я, будучи американским ученым, подхожу к изучению российской истории без идеологического багажа (явного или неявного). Я не рус-

ский и не украинец. Я не живу вместе со средневековой историей. И хотя в США есть сильная националистическая традиция, она не распространяется на средневековое прошлое, а потому не влияет на мою работу. Поэтому я рассматриваю все это как преимущество, которое помогает объективно изучать различные материалы. Если под контекстом подразумевается время, когда писались работы о Руси, то я могу понять, почему это важно. Например, многотомная „История Украины-Руси“ М. Грушевского была написана на рубеже XIX–XX вв. в контексте дискуссии о зарождении украинской нации. С другой стороны, это прекрасное произведение по истории средневековой Руси, поскольку он использовал данные всех источников (латинских, греческих и славянских), рассматривая их в комплексе, а не создавал образ изолированной Руси, которая связана только с Византией, как часто делали его русские современники. Фундаментальная работа Дмитрия Оболенского „Византийское Содружество [11] не могла избежать идеологического влияния холодной войны, представляя средневековый мир так же расколотым на Восток и Запад, хотя такого разделения и не было в источниках, которые он великолепно знал. То же самое, я уверен, относится и к евразийскому движению. При этом я не думаю, что работы Димника, Франклина, Шепарда, да и мои тоже (если упомянуть лишь нескольких), подвержены влиянию идеологии. Разумеется, у всех нас есть свои пристрастия или предрассудки, как и у всех людей. Но про себя я бы

сказал, что я всегда старался избегать их в своих работах».

Таково мнение американских современников.

Академик НАН Украины А.П. Толочко, который имеет богатый опыт преподавания в Гарвардском университете, так ответил на вопрос авторов: «Разделение историографии по принадлежности к государству или „прописке“(столь популярная идея в российском научном сообществе, по-прежнему распределяющем науку на „отечественных“ и „зарубежных“ исследователей) имеет абсолютный смысл. Конечно, существуют „национальные“ школы в той или иной дисциплине, различающиеся набором любимых идей, иконостасом авторитетов или даже просто стилистикой. Но есть дисциплины „международные", то есть те, где люди из различных традиций работают в рамках схожих или даже единых принципов, на основании одного круга идей и подходов, в рамках единых методологических принципов. Более того, часто такие дисциплины еще и институционально объединены: общими конференциями и съездами, общими журналами и сборниками, перекрестными стажировками в различных научных центрах».

Поэтому так называемая вторичность за рубежом сегодня воспринимается как отголосок холодной войны. А в России, скорее всего, как реакция на публикации некоторых западных исследователей прежних лет, в которых иногда Русь не воспринималась в качестве европейской страны. Однако в последнее время, судя по работам англо-американских исто-

риков, а также по нашему наблюдению, этот подход изменен, наметилось и некоторое сближение в позициях, в том числе и за счет прямых контактов, хотя они явно недостаточны.

Этим и объясняется интерес рассмотреть работы ряда англо-американских авторов с начала 70-х гг. XX в. и по настоящее время, в которых особое внимание было уделено концепциям становления и развития древнерусской государственности. Тем более что в своем большинстве они не были переведены на русский язык и не введены в научный оборот, а научные интересы авторов работы в области истории Древней Руси и их знание английского языка совпали. Этим объясняется и выбор темы исследования. Немаловажно и то, что последняя обобщающая работа, в которой рассматривались концепции западных, в том числе англо-американских, авторов, была издана в Советском Союзе в 1964 г. – «Современная буржуазная историография Древней Руси» В.П. Шушарина. В настоящее время в отечественной науке таких работ практически нет. Таким образом, данная работа частично восполняет этот пробел.

Структурно книга состоит из двух частей. Предваряет ее рассмотрение и анализ новейшей англо-американской историографии по истории Древней Руси IX–XII вв.

Вторая часть – это перевод ранее не издававшейся на русском языке книги профессора Виттенбергского университета (Спрингфилд, штат Огайо, США) К. Раффенспергера «Королевство Русь», которая впервые была опубликована в

2017 г. в издательстве Arc Humanities.

Часть первая
Древняя Русь в современной англо-американской историографии

Глава 1
Историки и школы

Начало англо-американской историографии о Руси/ России было положено в XVI–XVII вв., когда стали появляться первые заметки путешественников, дипломатов и купцов о Московии, «обыкновенно именуемой Россиею». Однако в них мы не найдем страниц об истории Древней Руси, кроме некоторых отрывочных сведений, поскольку авторов в основном интересовало настоящее или недалекое прошлое страны. В дальнейшем глобальные исторические события, которые происходили в России, стимулировали интерес и повышенное внимание к ее истории. Но особую роль в расширении этого интереса, по признанию большинства самих англо-американских историков, сыграли бурные события начала XX в. и российские эмигранты, которые в 20-х гг. стали преподавать в их университетах. Ими стала закладывать-

ся не только историческая основа взглядов, но также и идеологическая направленность исследований, которой придерживались в дальнейшем все англо-американские ученые в отношении российской истории. И на тот момент эта база была, по-видимому, общей как для российской, так и для англо-американской историографии. Но в результате известных событий в России, а затем и в СССР их позиции стали расходиться. В них все больший вес занимало идеологическое противостояние. Но в это время увеличилось общее количество работ различной направленности за счет учеников эмигрировавших российских специалистов, занимающихся проблемами истории Древней Руси. Однако тема истории зарождения и формирования Древнерусского государства не была объектом интереса, внимания и изучения со стороны англоамериканских историков. Поэтому и историография их по этому вопросу составляет не самую значительную часть объема зарубежной историографии, в отличие, скажем, от их немецких и скандинавских коллег, у которых были более тесные и продолжительные контакты с восточными соседями. Определенную негативную роль в этом вопросе играл и до сих пор играет языковой барьер и то, что многие работы англо-американских авторов, в том числе и современные, не издаются на русском языке и неизвестны широкому кругу специалистов, как, впрочем, и работы российских историков за рубежом. Поэтому значительная часть работ остается за рамками исследований. В результате на сегодняшний

день в отечественной научной литературе почти нет работ, которые посвящены анализу современной англо-американской историографии. Те же работы, которые выходили из печати до 90-х гг. XX в., содержат в основном критический материал, основанный на различных идеологических подходах. И как итог: количество упоминаний работ англо-американских авторов и их цитирование в отечественной историографии ничтожно, а в последнее время их количество стало единичным. Хотя именно в период с 90-х гг. XX в. и по настоящее время в их странах вышел ряд серьезных интересных работ, в которых идеологический подтекст отсутствует, а Русь представлена как важная составная часть Европы. Но и эти работы оставались и остаются малоизвестными у нас в стране. Поэтому целью данной работы является ознакомить читателя с работами англоамериканских историков, которые до сих пор еще не были переведены на русский язык. Кроме того, определить, какие изменения произошли в их взглядах и концепциях с начала 70-х гг. XX в. и до конца второго десятилетия XXI в. по проблемам истории Древней Руси середины IX – начала XII в.

Выбор этого временного интервала обусловлен тем, что именно в этот домонгольский период, по мнению большинства англо-американских авторов, происходило формирование и укрепление ее государственности в традициях народов ее населявших. И в это время это новое политическое образование не было чем-то инородным для остальной ча-

сти Европы, поскольку политогенез Древней Руси шел по тем же лекалам. Однако монгольский период отдалил и наложил свой отпечаток на европейский вектор развития страны. Поэтому особое внимание в работе будет уделено концепциям, изложенным в монографиях и статьях по вопросам происхождения и становления Древней Руси. Также мы познакомим читателей с биографическими данными авторов рассматриваемых работ.

Термин «англо-американская историография» в нашей работе объединяет историков из трех стран – Великобритании, США и Канады. Использование термина объясняется не только тем, что авторы являются носителями английского языка, но и тем, что некоторые авторы работали и в Великобритании, и в США, а также тем, что, как будет видно из дальнейшего, концепции и идеи различных исследователей по основным проблемам возникновения и формирования древнерусской государственности совпадают и имеют общие истоки. Торговая теория происхождения Руси, «норманизм», концепция Русского каганата и некоторые другие были принесены в британские и американские научные центры русскими историками-эмигрантами.

Однако у российских коллег зачастую возникают сомнения, возможно и допустимо ли подобное объединение, поскольку они считают такое объединение неприемлемым. Мы в начале уже касались этой темы, однако, по-видимому, это требует дополнительного разъяснения. Вот мнение по этому

вопросу К. Раффенспергера: «Я полагаю, существует общая англофонная традиция, даже если кто-то считает термин „англо-американский“ пережитком холодной войны. Существует также и общая научная традиция, и студенты воспринимают эту традицию и обучаются в ее рамках. В отличие от славянских исследований (Slavic studies) этот англофонный подход к проблемам средневековой истории и создал образ средневековой Европы, ограниченный Западом и игнорирующий все территории к востоку от Эльбы. Это довольно сильно отличается от российской, польской и сербской (если брать те, что я знаю) историографий, которые говорят о необходимости более широкого понимания средневековой Европы, даже если при этом они фокусируются на других проблемах. Наконец, даже если и существует некая разница между британской и американской научными традициями (например, британцы с большим уважением относятся к возрастным ученым и к предшествующей историографии), я не вижу фундаментальных различий между ними».

Сходное мнение высказал и А.П. Толочко: «В Вашем случае (то есть в случае перечисленных Вами американских и британских авторов), боюсь, мы имеем дело именно с таким феноменом. Это все люди одного научного языка („англосаксонского"), как правило хорошо знакомые между собой, воспитанные на одном круге литературы. Провести осмысленную грань между „американцами“ и „британцами“ поэтому не так легко. Если и возможно, то это уже какие-то

очень тонкие субстанции, очень сложно уловимые (несколько иная стилистика, „поколенческие“ различия и проч.). Перечисленные Вами люди – очень индивидуальны, все больше яркие личности. Их даже трудно свести в единую группу, или „школу", или „традицию". Общее для них есть вещи более широкого охвата: культурная принадлежность и некая интеллектуальная традиция».

При этом надо отметить, что в настоящее время российские историки все чаще обращаются к дореволюционным традициям. Именно отечественная историография сближается сегодня с англо-американской, основные позиции которой остаются неизменными уже на протяжении десятилетий.

Как уже отмечалось, существует крайне мало комплексных работ, рассматривающих проблемы становления и развития Древнерусского государства в англо-американской историографии. Едва ли не единственная – это монография «Современная буржуазная историография Древней Руси» В.П. Шушарина 1964 г., в которой рассматривается состояние исследований западных, в том числе англо-американских, авторов по древнерусской проблематике, а также дается опровержение основным их концепциям («торговой теории» происхождения Древней Руси, норманизма и нефеодального характера древнерусской государственности). Исследование И.П. Шаскольского «Норманнская теория в современной буржуазной историографии» 1965 г., хотя оно, как видно из названия, охватывает более узкий круг вопро-

сов, чем работа В.П. Шушарина, и сосредотачивается на критике концепции норманизма в западной историографии. Также стоит обратить внимание на статью Н.В. Синицыной «Изучение в Англии истории феодальной России» 1968 г., в которой она отмечает рост интереса к русской истории и говорит об основных историках и направлениях исследований по древнерусской и средневековой российской истории в Великобритании в послевоенное время[3].

Можно отметить и диссертацию на соискание ученой степени кандидата юридических наук Е.В. Державиной 1985 г. «Критика новейшей англо-американской литературы по истории государства и права Древней Руси», в которой автор критикует концепции англо-американской историографии в отношении становления и развития Древнерусского государства. Она так определила две задачи своей диссертации: «показать фальсификаторскую сущность и агрессивную политическую направленность основных концепций английских и американских авторов на современном этапе» и «разоблачить антинаучный характер основных концепций английских и американских авторов с учетом новейших достижений советской историко-правовой и общеисторической науки»[4]. В подобном же ключе высказывались и В.П. Шушарин, и И.П. Шаскольский.

Из последних работ можно также отметить статью Е.А. Куренковой 2013 г. «Проблемы российской средневековой истории в англо-американской историографии». Данная ра-

бота носит не аналитический, а исключительно описательный характер. В ней она исследует развитие англо-американской историографии с 1970-х гг. и до начала XXI в. Основной вывод – это пересмотр англоамериканскими авторами подходов к истории древней и средневековой России[5]. При этом конкретные работы англо-американских авторов по истории Древней Руси и Московского государства не рассматриваются. Автор лишь опирается в своих выводах на мнения некоторых зарубежных исследователей, например М. Перри, Э. Кинана и Д. Островского[6].

Наконец, следует отметить комплексную работу О.В. Большаковой «Поверх барьеров: американская русистика после холодной войны» 2013 г., которая, по сути, является своего рода всеобъемлющим путеводителем по современной американской русистике. Однако в данной работе тема Древней Руси в американской историографии никак не затронута, а из авторов, которые писали об истории древнерусской государственности, упомянуты лишь Р. Пайпс и К. Раффенспергер. Она замечает: «Важной чертой современной историографии допетровской Руси является почти полное отсутствие интереса к так называемым дискуссионным проблемам. Вместо того чтобы погружаться в дебри дискуссий о „норманнской теории", достигших к сегодняшнему дню предела политизации, зарубежные русисты исследуют Повесть временных лет как литературный памятник, помещая его в

контекст европейской книжности и мифологии»[7]. И далее: «Безусловно, далеко не все интерпретации истории России в американской историографии выглядят на сегодняшний день бесспорными. Можно не соглашаться с ними, можно критиковать. Можно искать и находить фактические ошибки (которые, впрочем, имеются и в работах отечественных историков)… Наименее продуктивным было бы выискивать в американских работах признаки злонамеренности или же высокомерного „колониального“ отношения к нашей истории. В то же время неправильно было бы оценивать происходящую „позитивизацию“ исторического образа России как признак дружественного отношения к нашей стране»[8].

И можно с уверенностью сказать, что под этими словами подписались бы многие англо-американские историки.

Следует также отдельно упомянуть и рецензии на некоторые работы, которые рассматриваются нами в данном исследовании. Как известно, наиболее интересной для отечественных специалистов явилась работа С. Франклина и Дж. Шепарда «The Emergence of Rus'» («Начало Руси»). На нее вышло две рецензии – В.Я. Петрухина и Г.В. Глазыриной, причем рецензия последней – на английском языке в сборнике, изданном Университетским колледжем Лондона. Таким образом, ее рецензия предназначена в первую очередь для англоязычной аудитории и носит довольно-таки критический характер. Она отмечает, что книга С. Франклина и Дж. Шепарда с интересом ожидалась российскими учены-

ми, однако в итоге, судя по всему, исследовательница осталась ею не вполне удовлетворена. Она отмечает, что в работе практически отсутствует рассмотрение проблемы эволюции слова «русь», которое применяется исключительно для обозначения скандинавских купцов, но не как социальный (элита Руси) или этнический (все население Руси) термин[9]. Также Г.В. Глазырина полагает, что С. Франклин и Дж. Шепард недостаточно, исключительно в сносках, обсуждают проблемы скандинавского присутствия в Восточной Европе, а также вопросы, связанные с тем, что привлекало скандинавов на территорию Руси, за исключением торговли мехами и серебром. При этом, по ее мнению, указания авторов на роль скандинавов в торговле серебром с Востоком не совсем корректны, поскольку серебро попадало на Русь в основном через других посредников[10]. Кроме того, по мнению Г.В. Глазыриной, Русь и русы С. Франклина и Дж. Шепарда существуют в полном вакууме, без всякой связи с местным населением. Они слишком фокусируются на скандинавском элементе в формировании Древней Руси, при этом игнорируя другие этнокультурные компоненты – славян, финно-угров и балтов[11]. В рецензии также отмечается, что позиция авторов сильно зависит от выбранного ими источникового и историографического материала, но при этом, по ее мнению, в своей работе они не дают читателю возможности ознакомиться с противоположным мнением и сравнить раз-

личные точки зрения[12]. Наконец, Г.В. Глазырина особо останавливается на работе авторов с письменными источниками. Отмечая использование большого количества источников, в том числе и на русском языке, она тем не менее считает, что отношение к различным источникам, написанным в разное время и разными людьми, у авторов одинаковое, поэтому С. Франклину и Дж. Шепарду следовало бы, по ее мнению, дать небольшую справку о письменных источниках, указав их авторов, время и место создания, их жанр и традицию и т. п.[13]

Рецензия В.Я. Петрухина написана в менее критическом стиле. Историк, в отличие от Г.В. Глазыриной, соглашается с С. Франклином и Дж. Шепардом в том, что основной целью скандинавов на Руси было обогащение[14]. Он также отмечает, что концепция возникновения древнерусской государственности английских авторов на основе «внешней» торговли и городов «соответствует характерным тенденциям новейшей историографии»[15], но при этом оговаривается, что купцам для постоянного притока товаров необходим был «ряд» (договор) с восточнославянскими городами, и один из таких договоров как раз и описан в легенде о призвании варягов[16]. С другой стороны, В.Я. Петрухин не согласен с идеей С. Франклина и Дж. Шепарда, что Киев до 920—930-х гг. мог не быть частью Руси, находясь под владычеством хазар, а также против отождествления Х-л-г-у «Кембриджского документа» с князем Олегом Вещим. Как отмечает исследователь,

имя Олег относилось к традиционным древнерусским княжеским именам, поэтому Х-л-г-у был не киевским князем, а правил в другом центре Руси[17]. В остальном же В.Я. Петрухин практически не высказывает критических замечаний по поводу написанного С. Франклином и Дж. Шепардом, хотя отмечает, что с отдельными положениями авторов можно спорить[18]. Единственным, по его мнению, важным замечанием является то, что в книге практически не обсуждается проблема «древнерусского феодализма», то есть проблема формирования феодальной собственности и сословных «группировок» – боярства и дворянства, а без этого, как отмечает исследователь, «сложно обсуждать и тенденции регионального развития Руси»[19]. Отсутствие этой проблемы в книге, по мнению рецензента, можно объяснить тем, что С. Франклин и Дж. Шепард писали для англоязычной аудитории, что и предопределило выбор ими определенных тем. В целом же, как полагает В.Я. Петрухин, книга английских историков – это «свежий взгляд „извне“– весьма актуальный для нашей науки обзор проблем начальной русской истории»[20].

Другой рецензией, которую следует упомянуть, является англоязычная рецензия Ф.Б. Успенского на книгу К. Раффенспергера «Reimagining Europe: Kievan Rus' in the Medieval World, 988—1146» («Переосмысляя Европу: Киевская Русь в средневековом мире»). В рецензии Ф.Б. Успен-

ский поддерживает основную мысль К. Раффенспергера, что Русь в XI–XII вв. была органичной частью Европы, однако критикует некоторые детали работы. В частности, в рецензии отмечается, что К. Раффенспергер практически не занимается самостоятельным анализом древнерусских, древнескандинавских и прочих источников, а основывает свои выводы на историографии, в первую очередь на генеалогических реконструкциях Н.А. Баумгартена, опубликованных в 1927 г. и с тех пор неоднократно исправлявшихся[21]. При этом Ф.Б. Успенский отмечает, что данные Н.А. Баумгартена часто используются К. Раффенспергером некритично, без проверки их достоверности[22]. В дальнейшем Ф.Б. Успенский сосредотачивается в основном на тех ошибках, которые, по его мнению, допускает К. Раффенспергер при рассмотрении брачных союзов между русскими княжнами и европейскими монархами. При этом, однако, в заключение делается вывод о том, что, несмотря на неточности, работа К. Раффенспергера ценна и важна, поскольку показывает, что Русь была важной частью европейского средневекового мира. Ф.Б. Успенский даже отмечает, что было бы неплохо, если бы такая идея единства была перенесена и на современные исследования по Древней Руси, чтобы не приходилось иметь дела с несколькими отдельными традициями изучения данного периода[23].

Наконец, стоит отметить рецензию Х. Рюсса «Не новое

исследование характера и имиджа княжеской власти в Киевской Руси» на книгу У. Хэнака «The Nature and the Image of Princely Power in Kievan Rus', 980—1054: A Study of Sources» («Сущность и образ княжеской власти в Киевской Руси: Исследование источников»). Х. Рюсс критически разбирает некоторые утверждения автора, касающиеся влияния библейских сюжетов на написание древнерусских летописей[24], возможного дуализма древнерусской власти (по аналогии с хазарами)[25], византийского и скандинавского влияния на формирование древнерусской государственности[26], а также характера славянских властных институтов – князей, воевод и веча[27]. Х. Рюсс отмечает, что работа У. Хэнака в целом повторяет его же диссертацию 1973 г., при этом каких-то значительных изменений в новое издание внесено не было: «Если же хотя бы запоздалого внимания автора не привлек такой фундаментальный и по содержанию касающийся исследования Хэнака труд, как монография М.Б. Свердлова «Князь и княжеская власть на Руси VI – первой трети XIII в.», то и это демонстрирует проблему лишь более или менее формально измененного нового издания, которое отделяют от даты первой публикации более чем сорок лет развития советской или, иначе, российской и международной науки»[28].

Таким образом, очевидно, что тема возникновения и формирования древнерусской государственности в англоамери-

канской историографии слабо разработана в отечественной науке. Поэтому в нашем исследовании будут представлены работы англо-американских авторов, которые вышли в свет с начала 70-х гг. XX в. и до последнего времени XXI в., которые посвящены образованию и развитию Древнерусского государства в середине IX – начале XII в. В качестве сравнительного материала частично будет использоваться и та историографическая база, которая была наработана до указанного периода, включая исследования англоязычных русских эмигрантов, труды которых опирались на отечественную дореволюционную историографию. Однако отдельно эти работы анализироваться не будут, поскольку это выходит за рамки нашей темы, к тому же работы русских эмигрантов были рассмотрены В.Т. Пашуто[29], а анализ работ по древнерусской истории немецкоязычных авторов был совсем недавно проведен А.Ю. Дворниченко[30].

Некоторые работы, которые будут рассматриваться в данном исследовании, не посвящены исключительно Руси. В них речь идет о различных государствах, а Русь упоминается в них как бы в том числе. Таким образом, появится возможность сравнения политогенеза Древнерусского государства с другими государствами Восточной, Южной и, реже, Западной Европы. К таким работам относятся, например, «Byzantium Commonwealth» («Византийское Содружество») Д.Д. Оболенского, «Making of Byzantium» («Формирование Византии») М. Уиттоу, «Passages from Antiquity to

Feudalism» («Переходы от античности к феодализму») П. Андерсона, «A History of Russia, Central Asia and Mongolia. Volume I. Inner Eurasia from Prehistory to the Mongol Empire» («История России, Центральной Азии и Монголии. Т. I. Внутренняя Евразия с доисторических времен до Монгольской империи») Д. Кристиана.

Стоит отметить особенность, характерную как для более ранней, так и для современной англо-американской историографии по Древней Руси: очень часто исследования по данной теме подаются авторами не как история только одной России, но еще как истории Украины и Беларуси. Предпоследняя монография Кристиана Раффенспергера, опубликованная в 2016 г., – «Ties of Kinship: Rusian Genealogy and Dynastic Marriage in Kievan Rus'» («Узы родства: генеалогия и династические браки в Киевской Руси»), вышедшая в издательстве Harvard Ukrainian Research Institute Publications, этому пример. В ней он утверждает, что история Древней Руси – это история современных России, Украины и Беларуси, то есть эти государства имеют право на свою общую историю.

7 апреля 2016 г. он же опубликовал статью в одной из ведущих американских газет Washington Post с интересным заголовком «Ukraine has been part of Europe for nearly a millennium» («Украина является частью Европы уже тысячу лет»), в которой он доказывает, что современная Украина была частью крупнейшего средневекового государства

(Древней Руси) в Европе XI–XII вв., которое являлось предшественницей не только Украины, но также и Беларуси и России. Но далее он пишет, что западные области Древней Руси (Галиция и Волынь) были всегда близки Европе, даже во времена монгольского ига. Исходя из этого, автор делает вывод, указанный в заглавии. Надо отметить, что статья вызвала достаточно противоречивую реакцию у читателей[31] из-за определенного политического подтекста. В предисловии же к последней своей монографии К. Раффенспергер пишет, что «Русь занимала территории трех современных государств – России, Украины и Беларуси. Это породило историческую путаницу в отношении названия средневековой территории. Некоторые националистически настроенные историки в Украине и России заявляют исключительные права на это название, полагая, что оно дает их правительствам историческое право на управление территорией Днепровского региона, который был ядром средневековой Руси (это четко видно на примере присвоения истории Руси Владимиром Путиным и его кампании по притязанию на украинские территории). Что касается других, даже историков-медиевистов, то проблема заключается в недостаточном знании соответствующей средневековой терминологии. Название „Россия“ известно всем, а потому оно появляется на картах как современного, так и средневекового периодов. Для третьих же это просто вопрос удобства, даже когда они все прекрасно понимают, что термин „Русь“ нуждается в объяснении»[32].

Здесь надо отметить, что после развала СССР в трех новых государствах до сих пор продолжается некая борьба за «права» на историю Древней Руси или в крайнем случае на ее часть. Но все же, как правило, ученые, занимающиеся проблемами древнерусской истории, стараются избегать подобных публикаций и утверждений, прекрасно понимая их остроту и неоднозначность.

Итак, в данной работе нами будут рассмотрены взгляды и представления следующих англо-американских авторов: Дмитрия Дмитриевича Оболенского (Великобритания), Ричарда Пайпса (США), Уолтера Хэнака (США), Томаса Нунена (США), Перри Андерсона (Великобритания), Питера Бенджамина Голдена (США), Дэвида Кристиана (Великобритания), Джонатана Шепарда (Великобритания), Саймона Франклина (Великобритания), Марка Уиттоу (Великобритания), Мартина Димника (Канада), Джанет Мартин (США) и Кристиана Раффенспергера (США). Выбор этих авторов объясняется тем, что в их работах наиболее полно представлен весь спектр взглядов, существующих в англо-американской историографии на проблему возникновения и формирования Древнерусского государства с начала 70-х гг. прошлого века до настоящего времени, а также тем, что многие произведения указанных авторов еще не переведены на русский язык. Поэтому возникла необходимость ознакомить с ними российских читателей. К их числу относятся: «Byzantium and the Slavs» («Византия и славяне») Д.Д.

Оболенского, «The Question of the Rus' Qaganate» («Проблема Русского каганата») П.Б. Голдена, «The origins of Rus' (900— 1015)» («Происхождение Руси») Дж. Шепарда, «Kievan Rus' (1015–1125)» («Киевская Русь») С. Франклина, «The Rus' principalities (1125–1246)» («Русские княжества») и «The Title „Grand Prince" in Kievan Rus'» («Титул „великий князь" в Киевской Руси») М. Димника, «The Khazar Qaghanate and its Impact on the Early Rus' State: The translatio imperii from Itil to Kiev» («Хазарский каганат и его влияние на Древнерусское государство: Переход власти из Итиля в Киев») и «European Russia, c. 500 – c. 1050» («Европейская Россия») Т. Нунена, «Medieval Russia. 980—1584» («Средневековая Россия») Дж. Мартин, «The Nature and the Image of Princely Power in Kievan Rus', 980—1054: A Study of Sources» У. Хэнака, «The Making of Byzantium. 600—1025» М. Уиттоу, «A History of Russia, Central Asia and Mongolia. Volume I. Inner Eurasia from Prehistory to the Mongol Empire» Д. Кристиана, «Revisiting the Idea of the Byzantine Commonwealth» («Пересмотр идеи Византийского Содружества»), «Rusian Economic and Marital Policy: An Initial Analysis of Correlations» («Русская экономическая и брачная политика: предварительный анализ взаимосвязей»), «Reimagining Europe: Kievan Rus' in the Medieval World, 988—1146», «Ties of Kinship. Genealogy and Dynastic Marriage in Kievan Rus'» и «The Kingdom of Rus'» («Королевство Русь») К. Раффенспергера.

Эти работы охватывают период с момента зарождения древнерусской государственности в середине – второй половине IX в. и до конца XII – начала XIII в., когда Киевская Русь, по сути, прекращает свое существование. При этом в своей работе мы пользовались только оригинальными текстами, а не переводами, чтобы исключить возможные разночтения.

Всего было рассмотрено двадцать работ тринадцати англо-американских авторов, шестнадцать работ были впервые переведены на русский язык. Характер рассматриваемых в данном исследовании работ различен. Среди них есть как специальные монографии и сборники статей, посвященные исключительно различным аспектам истории Древней Руси, к ним относятся «The Emergence of Rus'» С. Франклина и Дж. Шепарда, Великобритания; «Cambridge History of Russia, The New Cambridge History of Russia», Великобритания; монографии К. Раффенспергера «Reimagining Europe: Kievan Rus' in the Medieval World, 988—1146», «Ties of Kinship. Genealogy and Dynastic Marriage in Kievan Rus'» и «The Kingdom of Rus'», США и др., так и монографии, в которых история древнерусской государственности рассматривается наряду с историей других средневековых восточноевропейских государств («Byzantine Commonwealth» Д.Д. Оболенского, Великобритания и «The Making of Byzantium. 600 — 1025» М. Уиттоу, США). А также монографии, охватывающие более широкий хронологический пласт: «A History

of Russia, Central Asia and Mongolia. Volume I. Inner Eurasia from Prehistory to the Mongol Empire» Д. Кристиана (Великобритания) и монография Р. Пайпса «Russia under the Old Regime» (США).

Также в работе были использованы и специальные статьи (например, «Revisiting the Idea of the Byzantine Commonwealth», «Rusian Economic and Marital Policy: An Initial Analysis of Correlations» К. Раффенспергера, США) и, наконец, учебные пособия («Medieval Russia. 980—1584» Дж. Мартин, США).

Надо отметить, что англо-американские историки, в отличие от своих немецких и скандинавских[33] коллег, долгое время совершенно не интересовались историей Древней Руси, возможно, в силу географической удаленности и слабых, спорадических контактов между государствами, особенно между Россией, США и Канадой. Одна из первых работ, принадлежащая перу специалиста-историка, целиком посвященная истории Киевской Руси и вышедшая в Оксфорде на английском языке, появилась только в 1877 г. – «The relations between Ancient Russia and Scandinavia, and the origin of Russian state»[34] (в России издана в 1891 г. под названием «Начало Русского государства»). Однако данная книга, являющаяся «классикой норманизма»[35], представляет собой не исследование, а сборник лекций датского профессора Вильгельма Томсена, прочитанных им в Оксфорд-

ском университете в 1876 г. Но уже в этой работе были заложены те базовые идеи и представления англо-американских исследователей о Древней Руси, которые затем повторяются в их работах и до сегодняшнего времени: утверждается скандинавское (шведское) происхождение династии Рюриковичей, а также, косвенно, формулируется мнение о важнейшей роли торговли в появлении Древнерусского государства. Интересно отметить, что он активно использует в своем труде источники и историографию (особенно работы А.А. Куника) на русском языке. Чуть менее чем через двадцать лет появляется первая кафедра русской истории в США, при Гарвардском университете, а затем – профессуры в области русского языка литературы в Гарвардском и Колумбийском университетах, а также при университете Калифорнии в Беркли[36].

Затем положение начинает постепенно меняться в начале XX в., особенно после Октябрьской революции 1917 г., когда на Запад массово бежали многие представители образованных классов, в том числе ученые-историки, такие как Г.В. Вернадский (профессор Йельского университета), П.Н. Милюков (почетный профессор Кембриджского университета), М.М. Карпович (профессор Гарвардского университета, один из основателей американской русистики) и многие другие. В эмиграции многие из них, как историки, так и неспециалисты, писали свои мемуары и книги по истории России, в том числе по истории Древней Руси, некоторые

из которых (в особенности работы Г.В. Вернадского) стали классическими на Западе. Эти работы, по утверждению американского историка Р. Вильямса, уходят своими корнями в русскую дореволюционную историографию XIX в.[37] Тем не менее стоит отметить, что эмигрантская историография повлияла на англо-американскую. Так, очевидно, именно оттуда англо-американские исследователи почерпнули идею о торговом базисе Древнерусского государства. Таким образом, на развитие русистики на Западе большое влияние оказали идеи, берущие свое начало в середине XIX в. в работах В.О. Ключевского.

К. Раффенспергер указывает: «Что касается американской [исторической] науки в целом, то на нее огромное влияние оказали бежавшие от революций 1917 г. историки-эмигранты. Они преподавали в американских университетах, где успешно продвигали свои идеи. В основе их идей лежали в основном работы Ключевского, и это влияние можно также увидеть в том, как описывались основные события русской истории в англоязычной науке в целом. Из-за преобладания этих ученых можно было долгое время игнорировать большую часть советской историографии. Даже когда я учился в аспирантуре, были четкие указания, на кого из советских авторов стоит обратить внимание, игнорируя при этом их марксистские представления, а каких избегать».

С другой стороны, часть работ по истории России была написана не профессионалами, а бежавшими за границу во-

енными, публицистами и т. д., которые, обращаясь к русской истории, стремились осмыслить произошедшую революцию.

В дальнейшем, по мере возрастания интереса к России и далее СССР, стали появляться и другие работы по данной тематике, такие как H. Pratt «Russia. A short History» («Россия. Краткая история»), S.R. Tomkins «Kievan Russia» («Киевская Русь»), B. Pares «A History of Russia» («История России»), S.H. Cross «Slavic civilization through ages» («Славянская цивилизация на протяжении веков»), W. Kirchner «An outline history of Russia» («Контуры российской истории»), A. Miller «Feudalism in England and Russia» («Феодализм в Англии и России»), J. Blum «Lord and peasants in Russia» («Господа и крестьяне в России»), J. Manor «An economic history of Russia» («Экономическая история России»), W.E. Allen «Ukraine: The History» («История Украины»), R.D. Warth «The Russian Enigma: Some recent studies by Western writers» («Русская загадка: некоторые новейшие исследования западных авторов»), J.D. Clarkson, «A History of Russia» («История России»), R. Smith, «Origins of farming in Russia» («Истоки земледелия в России») и т. д.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.